

Андрей Рискин

На флоте менингитом не болеют,

*или Нептуна расстрелять,
русалку - утопить*

Андрей Борисович Рискин
На флоте менингитом
не болеют, или Нептуна
расстрелять, русалку – утопить
Серия «Морские истории и байки»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22673093

*На флоте менингитом не болеют, или Нептуна расстрелять, русалку
– утопить: Горизонт; Москва; 2016
ISBN 978-5-906858-29-0*

Аннотация

Андрей Рискин, являясь заместителем главного редактора «Независимой газеты», в душе по-прежнему ощущает себя на столько журналистом, сколько флотским офицером. И это ощущение не уходит с годами. Потому что служба на флоте – это на всю жизнь. В книге «На флоте менингитом не болеют, или Нептуна расстрелять, русалку – утопить» не только традиционные флотские байки, но и рассказ о подъеме атомохода «Курск» осенью 2001 года (во время этой уникальной операции автор был в Мурманске), версии гибели субмарины, а также записки, сделанные во время учебы в Калининградском ВВМУ.

И, наконец, заметки об отношениях моряков России и Украины во время «крымской весны».

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть 1. На флоте бабочек не ловят	8
В офицере главное не содержание, а форма	8
Родине вечно не хватает героев	14
Лучше всего патриотизм воспитывает гауптвахта	15
Иван Грозный и пропагандист Волошин	16
Патриотизм со строгим выговором	18
Про шило, которое в торпедо не утаишь	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Андрей Рискин
На флоте менингитом
не болеют, или
Нептуна расстрелять,
русалку – утопить

© А. Рискин, 2016

* * *

Выпускникам Калининградского высшего военно-морского училища, сослуживцам, всем, кого качало на морской волне, кто «кормил рыбок», но нес вахту, кто служил и служит Родине

Вместо предисловия

Говорят, что не бывает бывших разведчиков. Но, как мне кажется, и бывших моряков не бывает (и уж тем более среди тех, кто служил на кораблях радиотехнической разведки). И без разницы, сколько лет ты отдал службе – два года, десять, двадцать или еще большие. Потому что в любом случае это те годы, о которых вспоминаешь всегда. Даже если это были нелегкие годы. Потому что со временем плохое забывается, а хорошее помнится всю жизнь.

Хорошее – это флотская дружба, верность товарищей, их готовность стоять за тебя, защищать тебя, не сдавать тебя. Это девушка или жена, которая ждет, когда ты вернешься из похода. Это извечный флотский юмор, без которого служба невозможна (людям, у которых нет чувства юмора, на флоте не место). Хорошее – это когда после визита к начальству ты приходишь на корабль, обвешанный, как елочка, взысканиями, а сосед по каюте тебе говорит: «Не волнуйся, Андрюха, не ты первый, не ты – последний. Начальство останется на берегу, а мы по-прежнему будем ходить в море. И чихать нам на начальство. Нам надо дело свое делать».

И мы его делали, это самое дело. Ходили в море, несли вахту, воспитывали любимый личный состав, изредка хулиганили, нарушая Корабельный устав (играли в карты, выпи-

вали в свободное от вахты время и т. д.). Но, главное, служили по совести.

А это дорогого стоит.

Часть 1. На флоте бабочек не ловят

В офицере главное не содержание, а форма

*Чем выше у генералов тулья, тем хуже положение дел
в армии и на флоте*

Такое впечатление, что все реформы в армии и на флоте сводятся к новой форме одежды. Хотя давно подмечено: чем выше у генералов тулья на фуражке, тем хреновее положение дел в Вооруженных силах. Упомянутая тулья стала расти как на дрожжах после того, как в Российской армии в 1994 году вместо маленьких кокард со звездой ввели двуглавых орлов с мечом и лавровым венком в когтях. На прежних фуражках орел просто не помещался. Вскоре выяснилось, что высота фуражки не равна уровню интеллекта.

Хотя, конечно же, форма одежды для человека с ружьем – дело не последнее.

К примеру, для флотского офицера что главное? Правильно – стройность и молодцеватость (то есть внешний вид). А также шестое чувство. То есть высокое чувство ответствен-

ности за порученное дело. Остальные пять чувств (осознание, обоняние, слух, зрение и уж тем более вкус) офицеру нужны, прямо скажем, чисто символически. А вот стройность и молодцеватость – крайне важны. Они вырабатываются посредством строевых смотров и утренних построений.

Флот – слава богу, не пехота, строем на флоте ходят реже. Но зато если уж строевой смотр – то это полный геморрой. За день до смотра приходит в штаб бригады телефонограмма. Мол, завтра в 11. 00 всем быть на плацу, ожидается флотская инспекция. Комбриг рассылает свою цидульку – прибыть на место смотра в 10. 30. Начальник штаба, кабы чего не случилось, корректирует – быть на плацу в 10. 00. Командир дивизиона вносит поправку – в 9. 00. Ну а командир корабля всех выгоняет на мороз (а смотры у нас, как правило, именно при минус 20 любят проводить) на полчаса раньше. Красота. Кстати, называется вся эта лепота – «ефрейторский зазор», хотя на флоте звания ефрейтор нет. На флоте, как известно, есть звание старший матрос, хотя одну лычку на погонах никто носить не желает. Как говорят моряки, «лучше иметь дочь проститутку, чем сына младшего матроса».

К смотру на морозе надо готовиться. Вот загадка, которую уже не один десяток лет разгадать не могу... В советское время младшим офицерам, которым, как известно, в молодые годы никакой мороз не страшен (да и неудобно как-то, прибыв в гости к даме, фигурировать в голубом исподнем), выдавались как холодные кальсоны, так и теплые – с наче-

сом. А вот старшим офицерам, которым уже пора бы и поберечь свои яйцеклетки, – только холодные. Став капитаном 3 ранга, то есть старшим офицером, очень был возмущен этим фактом. Кстати, лучшая команда на свете, когда на морозе ждешь проверяющих: «Разрешается курить. С мест не сходить, бычки – в карман соседу».

После публикации этой заметки в «НГ» однокашник по калининградской бурсе прислал письмо: «Андрюха! По поводу подштанников. Это вопрос к бывшему к министру культуры СССР Екатерине Фурцевой. По легенде, у нее был плохо закончившийся роман с одним адмиралом. Поэтому на очередном заседании Совета министров, когда обсуждали бюджет Минобороны страны, товарищ Фурцева якобы сказала, что нехрен тратить деньги «на ихнее нижнее белье» – там, мол, и утеплять-то нечего...»

Крайне важно во время смотра, чтобы у тебя не был «зашит зад». Ну, в смысле того, чтобы разрез на шинели был распорот. Нерасшитый задник – это практически преступление. Ведь если задник зашит – офицер в шинелке строен и подтянут, а если расшит – он уже как в мешковине ходит. Но офицер в нераспоротой шинели почему-то страшно раздражает проверяющих. Впрочем, их вообще все раздражает.

Вот, к примеру, звездочки на погонах. Они в советские времена были скромные такие, почти плоские. Но некоторые разгильдяи заказывали себе в неких чуть ли не подпольных мастерских (за очень по тем временам большие деньги)

звездочки из меди, высокие, с четкими гранями. Проверяющие за них нещадно карали. А вот дамам нравилось. Я лично, когда прибыл на первое свое место службы в Лиепаяу, тут же был отправлен командиром корабля в парикмахерскую – ликвидировать неуставную стрижку (волосы отросли за первый лейтенантский отпуск). Так девушка в парикмахерской, положив мне на плечи скатерку, провела ласково пальчиками по погонам и заметила: «Ой, какие острые звездочки! О такие не жалко и чулочки порвать...» Ну так это ж Лиепая, чудный город, который, как мы тогда говорили, спит под одним одеялом.

Кстати, о тулье. Это у генералов она «на высоте». На флоте высокая тулья – дурной тон. Настоящие моряки летом носят грибан (потому что похоже на гриб), а зимой – черную, шитую по спецзаказу фураньку (15 рублей в советское время). Грибан – это вам не созданная отечественными мастерами кройки и шитья фуражка (давящая на последние мозги и уродливая, как утюг). Это фуражка, переделанная умелыми ручками флотских специалистов. Верхняя часть у грибана не натянута, тулья опущена, пружина удалена. На строевой смотр в грибане никто не ходит – некоторые заматеревшие проверяющие в высоких званиях любят сбивать грибан с головы офицера и яростно топтаться на нем.

Еще у офицера должны быть ордена на груди. Ну, не то чтобы ордена, но хотя бы медали, то есть тоже «высокие награды Родины». Носят их только на парадах, а так на тужур-

ке должны быть орденские планки. «Ордена» нам, кстати, давали регулярно. Первую медаль, как правило, получали «За 10 лет безупречной службы». Потом 15 лет этой самой «непорочной» службы, потом 20 лет. В перерыве случалось что-то вроде «70-летия Советской Армии и Военно-морского флота». Наконец, флотским долгожителям вручали медаль за «25 лет безупречной службы», прозванную в народе «гробовой». Беда в том, что пришивать на мундир планки всем было лень, поэтому даже седовласые ветераны порой ходили с одной единственной, пришитой еще в капитан-лейтенантские годы, планкой. Что почему-то очень возмущало проверяющих. Мол, как же так, Родина вас наградила, а вы не цените. Ну, с Родиной все ясно: она сказала «вольно!», но не сказала «разойдись!».

Конечно, важнейшая часть флотского туалета – носки. Они должны быть черного или темно-синего цвета. По команде «ногу на носок ставь» выставляешь вперед на полшага свои копыта и поддергиваешь штанину. Проверяющий внимательно изучает цвет твоих «карасей» – так на флоте носки называют. Почему – до сих пор не пойму.

Кстати, возвращаясь к фуражкам. В стародавние времена даже у носильщиков на вокзале на фуражке были золотые шнуры. Офицер флота получал их, только став капитаном 3 ранга. Потом, правда, дело поправили – шнуры всем повесили, даже мичманам, которых с высоких трибун называли «золотым фондом Военно-морского флота», а мы – простые

офицеры – «золотым песком в подшипниках коммунизма». Да, еще о «золоте». Младшим офицерам листья дуба на козырьке фуражки не положены (только при парадной форме). Отсюда и поговорка: «Прослужил я 20 лет, дубом стал, а листьев нет».

Одно радует – листья дубовые на фураньке у меня к концу службы все-таки появились...

Родине вечно не хватает героев

О некоторых нюансах воспитания патриотизма в армии и на флоте

У нас воспитание патриотизма всегда развивается по одной и той же схеме. Сначала вице-премьер Борис Немцов пересаживал чиновников с иномарок на отечественные «Волги». Помнится, тогдашний губернатор Новгородской области Михаил Прусак, разъезжавший по бедной своей губернии как раз на «Волге», говорил: «Была бы возможность, на зло пересел бы на джип какой-нибудь». Теперь вот вице-премьер Дмитрий Рогозин заказал себе полицейский броневик российского производства «Тигр». Инициативу уже поддержал коллега Рогозина, министр по вопросам Открытого правительства (знать бы еще, что это такое и с чем его едят) Михаил Абызов, правда, с оговоркой: «Идея абсолютно правильная, патриотичная, главное, чтобы он не пересадил нас на танки».

Мне, видимо, идеальным патриотом никогда уже не стать. Мало того что не чиновник, так еще и не автомобилист. Ни отечественного «тазика» у меня, ни иномарки. Кстати, о «тазиках». Тут судостроители наши доблестные решили новую дизельную суперсубмарину создать. И назвали ее «Ладой». Не удивительно, что в итоге у них полная фигня получилась.

Они бы подлодку еще «Ладой-Калиной» назвали!

Но это к слову. Вернемся к патриотизму. Его во мне воспитывали с детства. Но лишь когда в 17 лет на меня напялили тельняшку, то есть когда я поступил в калининградскую военно-морскую бурсу*, мне патриотизм стали вбивать, ежедневно стуча по темечку. Впрочем, через пять лет, став лейтенантом, «Родину любить» учил любимый личный состав уже я.

Лучше всего патриотизм воспитывает гауптвахта

Учили просто. Но со вкусом. Так как для моряка на корабле очередной наряд на службу наказанием не являлся (все равно через день на ремень, как говорится), лучшим средством воспитания патриотизма была гауптвахта. Но там очередь на два месяца вперед. Правда, если принесешь коменданту пару литров шила*, можешь без очереди арендовать камеру на месяц. Но с одним условием – как только моряк (а командир корабля 3 ранга мог объявить только пять суток ареста) выходит, аренда заканчивается. В общем, посадил на губу одного, а уже ждешь, кого следующим определить, чтобы камера не пустовала. Так что в день выхода с губы очередного раздолбая буквально бегаешь по кораблю в поисках следующего кандидата на посадку. Благо, что пристебаться можно и к телеграфному столбу, а уж к матросу...

Не знаю, как сейчас, а в мое время главными воспитателями патриотизма в армии и на флоте, конечно же, были политработники. На флот они приходили из Киевского высшего военно-морского политического училища. Грызли гранит науки в своей бурсе четыре года (в отличие от нас, пять лет трубивших в командных училищах), а старшего лейтенанта получали также через два года. Одно только это уже не прибавляло любви к политработникам. К тому же «руководящая и направляющая» (то есть партия наша вечная – КПСС) додумалась написать в Корабельном уставе, что не старпом, а именно замполит является первым заместителем командира корабля. В итоге, к примеру, замполит имел допуск в радиорубку, а старпому, который, как правило, и есть будущий командир, вход туда был запрещен. Хотя, конечно же, дело не в этом. Просто иной замполит был на корабле своим (но тогда его с утра до ночи перчили в политотделе), а другой – чужим (офицеры на борту его ненавидели, зато в политотделе ценили). Но особо не любили работников политотделов, этих «представителей партии на флоте». Зато они очень любили нас инспектировать.

Иван Грозный и пропагандист Волошин

Помнится, прибыл к нам на тралец с проверкой капитан 2 ранга Волошин, пропагандист политотдела Рижской бригады ОВРа (охраны водного района). Копал с утра и до забора.

К обеду выдохся. Потом его скучающий взгляд упал на переборку в моей каюте. Там у меня в рамочке картина висела. «Иван Грозный убивает своего сына» (хотя, как известно, первоначальное название картины Репина было таким – «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года»). Над койкой огромная дыра была в пластике, так я ее репродукцией и закрыл.

– У вас зачем это здесь, товарищ старший лейтенант?

Немею. Что же сказать-то? Не объяснять же ему, что там в переборке дырка. Обвинит в подрыве боеготовности и слабостью живучести корабля. Сочиняю на ходу:

– Да я... как бы... люблю живопись. На досуге и сам пишу немного... Маслом... А Репин – это мой кумир, идеал, так сказать...

Но чувствую, не верит, гад. И точно:

– Вы мне сказки не рассказывайте, товарищ старший лейтенант. Полагаю, вы вызываете к себе в каюту провинившегося матроса и говорите ему, что если он будет себя плохо вести, его постигнет такая же судьба, как царского сыночка...

И это без тени юмора. Потому что дурак – это не отсутствие ума. Это такой ум.

Тот же Волошин, кстати, обнаружил в кубрике боевой листок. Его мой молодой лейтенант-минер (жопа в масле, член в тавоте* – это есть минер на флоте) соорудил. Все идеологически выдержано, отдельные недостатки, имеющиеся на «железе»*, «борющемся за высокое звание отличного кораб-

ля», в листке отмечены. А финал такой: «В общем, товарищи, среди нас, товарищи, есть такие товарищи, которые нам, товарищи, не товарищи...» Так этим боевым листком Волошин тряс в кабинете начпо*, на парткомиссии и на партконференции. Пытался я возразить, мол, а что тут страшного, так начали трясти меня... Понятно, что после такого еще больше ощущаешь чувство любви к партии и Родине. Потому что, как известно, Родине нужны герои, а манда рожает мудаков!

Патриотизм со строгим выговором

Лучше всего у политработников получалось воспитывать патриотизм с помощью парткомиссии – этой красной гильотины партийного правосудия. Благо всегда есть за что. У нас же личного состава нет только у штабных и политотдельцев. А у остальных – любимый личный состав. А чем моряк отличается от ребенка? Правильно – размером детородного органа.

Поэтому, к примеру, когда механик сторожевого корабля «Туман» Дима Бенеманский после швартовки увидел, что бравый электрик матрос Бердыев полез в щит без перчаток резиновых и коврика (это во время дождя), чтобы перейти с корабельного питания на береговое (то есть на 380 вольт), Дима схватил его за шкуру и отшвырнул от щита. Спас, словом, от смерти. Правда, дав при этом мимоходом по скула-

стой азиатской физиономии.

На корабельном партсобрании Бенеманскому поставили на вид. За ненадлежащую работу с личным составом. Вышестоящей партячейке этого показалось мало и Диме объявили выговор. А парткомиссия до того соскучилась по настоящей работе, что переправила выговор на выговор с занесением в учетную карточку. Вы даже не представляете, как Дима, которому светил, но не высветил, перевод в Ленинград (командиром БЧ-5* крейсера «Аврора»!), полюбил после этого «организующую и направляющую».

Так и служили. По принципу «нас имеют, а мы крепчаем». Без патриотического экстаза, без особого пафоса, но добро-совестно. Переживали за тот же самый личный состав (хотя, как известно, куда моряка не целуй – всюду жопа), за мат-часть, за успехи в БП и ПП (боевой и политической подго-товке) и т. д. и т. п. Про патриотизм и не заикались, а когда о нем говорили с высоких трибун, старались думать о своем. Может, это и есть настоящий патриотизм?

Про шило, которое в торпеде не утаишь

*Тема алкоголя на флоте бесконечна, как зубная паста
в старом тюбике*

23 февраля мужское население страны, как известно, бурно отмечает День защитника Отечества. Лучшая, но не самая молодая часть мужского пола (та, что служила до развала СССР), отмечает День Советской Армии и Военно-морского флота.

Потому что День защитника Отечества – это для тех, кто, может, и не служил, но защищать страну готов. А вот День СА и ВМФ – только для мужиков, которые тянули армейскую ляжку, пили чай на клотике* и т. п. Кстати, остались бы советские времена, надо полагать, наштамповали бы соответствующих медалек типа «95 лет СА и ВМФ». Было бы сейчас что обмыть.

А так пьем по старинке: «За тех, кто в море, на вахте, гауптвахте, за границей и (не дай бог!) в трипперной больнице!» Чтобы последнее не стало явью, нужно дружить с корабельным врачом, то есть доком. У хорошего дока всегда есть чем вылечить моряка, намотавшего на винты. Несмотря на то что в годы, когда существовали СА и ВМФ, нужные лекарства были в большом дефиците. Но, как говорил наш

док Савелий Штангаров: «Тяжело в лечении, легко в гробу». Это когда у него было хорошее настроение. А когда моряки доставали его своими болячками, док просто вспоминал первую строчку клятвы Гиппократов: «Как вы меня все задолбали!»

При этом не любить дока было нельзя. Это же медицина, то есть энные запасы медицинского спирта. В годы, когда партия и правительство долго и безуспешно боролись с пьянством и алкоголизмом в армии и на флоте (в основном с помощью постановлений ЦК КПСС и приказов министра обороны), спасали Вооруженные силы именно медики в погонах. Ну, еще командиры радиотехнической части (для протирки аппаратуры они спирт более или менее приличный использовали), штурмана (для гирокомпаса тоже спирт нужен) и механики. У последних – шило имелось обычно отвратительной очистки – называется «калоша», потому что пахнет резиной, и после принятия даже мизерной дозы от офицера два дня отвратительно несет. Впрочем, даже строгий плакат на переборке со словами «Механик, помни! Ни грамма в пасть, все на матчасть!» не мешал командиру БЧ-5 нашей славной «Линзы» (малого разведывательного корабля) Саше Дремову протирать контакты на рулевом устройстве исключительно «тонким слоем». В общем, принял спиртика на грудь, дыхнул на контакты и протер их ваткой.

Когда к борьбе с пьянством подключился Михаил Сергеевич Горбачев, стало сложнее. Нормы спирта урезали, ниче-

го не доставалось не только механизмам «на протирку», но и живым людям. И говорить об алкоголе стало опасно. Когда мой друг Андрей Криворучко, будучи уже капитаном 2 ранга, прибыл с Севера в славный град Питер к новому месту службы и решил, как положено, проставиться (или, как мы говорили, сдать на допуск к столу), новый его командир на вопрос «А что брать спиртного?» ответил строго: «Ты что, с ума сошел? В стране идет борьба с пьянством! Есть строгое указание партии. Так что никакого алкоголя. Возьмешь пару ящичков водки, коньячку немного – бутылок 10–15... И запомни, никакого алкоголя!»

Тема алкоголя на флоте бесконечна, как зубная паста в старом тюбике. Не потому, конечно, что пьют на флоте с утра и до вечера. А потому, что шило – это и конвертируемая валюта, и средство от служебного стресса, и лекарство от всех болезней, и прочая, прочая, прочая. Если спирт низкого качества (см. выше про «калошу»), просто в горло не лезет, туда добавляют марганцовку (для отстоя сивушных масел), чеснок или острый перчик. На некоторых кораблях делают фирменный напиток. К примеру, на сторожевике «Задорный» Северного флота готовили «Задорновку», добавляя в спирт кофе и пряности. Получалось божественно.

Впрочем, главное, чтобы шило имелось в наличии. Тут возможны варианты. К примеру, подводная лодка выходит в море на торпедные стрельбы. Торпеду готовят в специальном цехе на берегу. После залпа учебная торпеда, условно

поразив цель, должна всплыть. Потому что тонуть ей никак нельзя: в торпеде есть серебряно-цинковые аккумуляторы. В зависимости от типа торпеды в каждой из них до 180 элементов, в каждом из которых полтора килограмма чистого серебра. Если стрельба проводится зимой, то для того, чтобы клапана на торпеде не замерзли и она в итоге все-таки всплыла, в торпеду заливают 200 килограммов спиртоводочной смеси. Речь идет о 40-градусном продукте. Понятно, что подобная расточительность немислима на флоте. В лучшем случае продукт тянет на градусов 15–17. Поэтому иногда торпеды после стрельбы не всплывают. И четверть тонны серебра высочайшей пробы идет на дно.

Понятно, что тут же из штаба флота прибывает комиссия. Идет долгий разбор полетов, в ходе которого члены комиссии успешно выпивают шило, которое так и не досталось торпеде, после чего составляют акт на ее списание. Надо ли добавлять, что торпедные стрельбы у нас любили проводить именно зимой, потому что летом торпеда всплывает и без допинга. А у командира части, готовящей торпеды к использованию, всегда в комнатке хранится бочка со спиртом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.